

МАЙЯ САММЕР

РАЗВОД

Нелюбимая

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

Майя Саммер

Развод. Нелюбимая

«Литнет»

2025

Саммер М.

Развод. Нелюбимая / М. Саммер — «Литнет», 2025

- Моя сестра беременна от тебя? Ну пожалуйста, скажи, что нет! Это же просто шутка? Страшный сон? Пожалуйста! Спина прямая. Я жду приговор нашему браку. - Да. Но всё не просто! Я всё объясню! Я сделал это для нас обоих! _____ Муж ударил по самому больному - моему бесплодию. Моя сестра беременна от него! А он говорит, что сделал это для нашей семьи...#ХЭ для заслуживших #приёмный ребёнок #предательство

© Саммер М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Зал горит огнями. Мне нравятся украшения и то, как получился праздник. Гости веселятся, подходят к нашему столу, поздравляют.

Я натянуто улыбаюсь, ведь каждый приглашённый считает своим долгом пожелать «пополнения» нашей замечательной семье. За десять лет бесплодия я уже привыкла к бестактным вопросам и пожеланиям, но сейчас рядом сидит Аэлита, наша приёмная дочь.

Ну как приёмная... Лита дочь моей сестры. Известной в городе, и не только, певицы. И мне она вроде как племянница, но за те пять лет, что она живёт у нас, мы сроднились как мать с дочкой. И пусть своих детей у меня не было, её я любила как родную дочь.

Ей уже шесть, и для своих лет она очень смышлёная. Понимает всё. И дурацкие пожелания, отношение как к пустому месту, задевают её, я это вижу. Хочу увести дочь, но напряжённый взгляд мужа, полный осуждения, останавливает.

Мы и так слишком часто ругаемся из-за Аэлиты. Если уйду с его юбилея, то вряд ли это будет способствовать примирению.

Голова кружится от обилия лиц. Кажется, что мужа пришёл поздравить весь город! Он известный продюсер. Его подопечные гастролируют по всей стране, треки стоят на первых местах чартов, а альбомы крутят по радио.

Ко мне подходит организатор.

- Пора! – напоминает про мой подарок для мужа.

Улыбаюсь неуверенно и встаю. Беру за руку дочь, веду её на сцену. Сегодня состоится её первое выступление!

Пятнадцать лет назад я считалась скрипачкой мирового уровня. Ездила на конкурсы за границу и получала награды. Меня приглашали в самый престижный оркестр первой скрипкой, но я выбрала тихое счастье с самым любимым человеком.

«Какой муж захочет, чтобы его жена гастролировала?» - фыркнул Герман на моё предложение совмещать семью и работу. И я согласилась. Ведь хотела ребёнка, красивый и уютный дом и музыку для души. У меня не было таких амбиций, как у сестры.

Только годы шли, а ребёнка так и не случилось. Через два года попыток нам поставили диагноз «бесплодие неясного генеза». Это означало, что доктора понятия не имеют, что с нами не так.

Сбрасываю тяжёлые мысли. Сейчас главное - собраться и отыграть безупречно. Моя скрипка уже лежит на сцене, а рядом маленький инструмент для дочери. Я беру свой в руки, прикасаюсь к струнам.

Иногда я ужасно скучаю по выступлениям, по музыке. Спасают меня только ученицы, которых я обучаю втайне от мужа. И Лита, которую я тоже учу играть.

Мы играем красивую мелодию на две скрипки. Её написал муж, а я переложила на ноты для скрипки. Гости едят, разговаривают, смеются. И только некоторые слушают внимательно, а потом аплодируют нам.

- Ты сыграла замечательно! – шепчу Лите на ухо, и она несмело улыбается.

Глазами ловлю мать. Она даже не смотрит на сцену. Что-то обсуждает с младшей дочерью. Её любимицей. Её принцессой.

Мне больно осознавать, что годы идут, а ничего не меняется. Что бы не делала Ярослава, мать её боготворила.

Бросила школу – молодец! Ни к чему голову забивать!

Укатила за границу, никому, ничего не сказав – здорово! Характер пробивной!

Вернулась беременная? Не то что старшая – пустая корзиночка!

Бросила ребёнка в детском доме? Тоже нормально! Ей же карьеру надо делать, а не с подгузниками возиться!

А как проблемы – так сразу ко мне. Денег на обратный билет выслать, Литу забрать, мужа уговорить взять к себе звезду!

Вот и сейчас сестра встаёт, идёт походкой от бедра к сцене. Берёт микрофон в руки.

- Спасибо Мира за вашу самодеятельность! Теперь позвольте выступить профессионалу!

В зале раздаются смешки. Я морщусь от укола в словах сестры. Когда уже праздник закончится и можно будет забыть о родственниках, как о страшном сне?

Сестра поёт свои главные хиты. Их всего два, но ими она очень гордится. Я же общаюсь с дочерью в это время. Мы обсуждаем её выступление и помарки. В целом я довольна её игрой.

- А теперь я хотела бы подарить Герману главный подарок этого вечера! Он ждёт его уже давно!

Поднимаю голову на сцену, не понимая, что имеет в виду Яра. Какой ещё подарок? Они с мамой никогда нам ничего не дарили, отмахиваясь, мол, не знают, что подарить тем, у кого и так всё есть.

- Герман, иди ко мне на сцену! И я тебе его вручу!

В голубых глазах мужа напряжение. Стараюсь найти там ответы на свои вопросы, но не нахожу. Он кидает салфетку на стол, встаёт и идёт на возвышение.

Ярослава сияет от удовольствия. Все взгляды направлены на неё, и она наслаждается этим. Я же ёрзаю на стуле. В груди почему-то тяжело. Неприятное предчувствие царапает где-то глубоко внутри. Хочется вырвать из себя это чувство, но не получается.

Пока муж идёт к своей подопечной, она тянется за кулисы и достаёт оттуда большой чёрный шар с детскими рисунками голубого и розового цвета. Гордо демонстрирует это гостям.

- Вот и мой подарок тебе, дорогой! Сейчас мы узнаем пол нашего ребёнка!

Меня словно током к стулу пришило. Стараюсь вдохнуть глубоко, но боль не даёт. Рана в груди разрастается с каждым мгновением.

Гости жаждут скандала. Они как шакалы бродят вокруг. Смотрят на меня, выискивая на лице эмоции.

Что же делать? Как реагировать? Мысли вперемешку. Ни одной не разобрать. Мама улыбается и хлопает в ладоши. И это становится последней каплей.

Встаю, гордо держа спину. Беру за руку Литу. У неё на глазах слёзы. Она ещё не понимает, что произошло, но, как и любой ребёнок, чувствует царящую вокруг атмосферу.

Ни за что не позволю вывалить нас с дочкой в грязи! Герман о чём-то разговаривает с Ярой. Они оба улыбаются, наверно обсуждают её перформанс.

А у меня внутри всё дрожит. Неужели это правда? Неужели она беременна от моего мужа? Сестра никогда не отличалась добротой, но такое откровенное предательство слишком даже для неё! Поверить не могу, что она спала с МОИМ мужем!

В мире несколько миллиардов людей! Половина из них мужчины! Так зачем ей именно мой муж?

Хотя она всегда любила мои вещи. Как только подросла достаточно, так сразу и стала таскать платья, туфли. А косметика и так всегда была для неё доступна.

Сколько раз я жаловалась маме! Но каждый раз в ответ «Мира, тебе что для сестры жалко?». Жалко! А ещё обидно!

Летний вечер слишком душный. Думала, выйду на улицу и хоть немного дышать станет легче, но не тут-то было! Поверить не могу в предательство самых близких людей! Просто не могу!

Глупая надежда ещё теплится внутри. Вдруг всё это просто жестокая шутка?! Герман ведь не такой! Он любит меня! Только сегодня говорил мне слова любви! Мы занимались сексом утром, и он шептал, как сильно любит. Ну не может же всё быть ложью?

Машина припаркована совсем рядом. Водитель читает газету.

- Мам, что случилось? – спрашивает Аэлита.

Её голос дрожит. А ещё это заветное для меня слово! «Мама». Один бог знает, как я хотела родить ребёнка мужу! А теперь это сделает моя сестра.

Вздыхаю тайно, чтобы взять себя в руки. Присаживаюсь перед ней.

- Ничего страшного. Просто Ярослава неудачно пошутила. Давай поедem домой. Тебе уже пора спать.

Выдавливаю из себя улыбку, хотя хочется выть в голос.

- Мира! Стой!

На крыльце появляется Герман. На его лице читается раздражение. Отворачиваюсь, дёргаю дверь и сажаю дочь в машину. Ни к чему ей участвовать в скандале. Она ещё слишком мала.

Поворачиваюсь к мужу. Глаза сухие, и я горжусь этим. Сколько слёз было пролито над отрицательными тестами на беременность? Сколько боли я пережила на процедурах эко? Сейчас кажется, что запас уже израсходован.

- Куда ты собралась?

- Домой.

- Праздник ещё не закончился. – рычит муж.

- Я уже всё увидела. Теперь хочу отдохнуть.

Он зло ерошит волосы. Выдыхает резко.

- Я всё объясню!

- Что именно? Беременность моей сестры? Кстати, кто будет? Мальчик?

По его лицу понимаю, что я права. И это очередной удар. У Германа будет наследник. Прикрываю глаза, стараясь справиться с болью.

- Какой же ты мудак. – горько протянула – Ярослава от тебя беременна?

Герман мнётся. Оглядывается по сторонам. Рядом щёлкает затвор камеры. Это почему-то особенно взбешивает. Неужели в двадцать первом веке нет бесшумных камер?

- Давай не здесь. – понизил голос муж – Ты же не хочешь попасть на обложки жёлтой прессы.

- Раньше об этом нужно было думать! – не сомневаюсь, что мы уже там – Герман, имей смелость прямо ответить на вопрос! Это твой ребёнок?

- Всё не так просто! Я хотел тебе объяснить после праздника, но эта идиотка не смогла подождать немного! Мира, давай позже поговорим. В спокойном месте.

- Он твой? – стою на своём.

Ну пожалуйста, скажи, что нет! Это же просто шутка? Страшный сон? Пожалуйста!

Спина прямая. Как учила моя концертмейстер. Я жду приговор нашему браку.

- Да. Но всё непросто! Я всё объясню! Я сделал это для нас обоих!

Удар такой сильный, что едва стою на ногах. Закрываю глаза.

- Не хочу ничего слушать. Удачи вам с Ярославой.

Герман пытается схватить за руку, но я отдёргиваю её.

- Подожди. Не уезжай вот так! Дай мне всё объяснить!

- Герман, лучше отпусти. Ты же не хочешь, чтобы я устроила некрасивый скандал здесь? Позволь нам сохранить хотя бы остатки достоинства.

Даю ему понять, что я уйду в любом случае. Оставаться и слушать его оправдания нет никакого желания. Мне плевать, что он скажет. Его поступок не объяснить ничем!

Возможно, я бы ещё поняла, если бы его любовницей была посторонняя женщина. Разлюбил. Побоялся сказать сразу. Так бывает. Но спать с моей сестрой за моей спиной? Зачать с ней ребёнка? Это выше моего понимания.

Сажусь в машину, обнимаю дочь и прошу отвезти водителя домой. Он ничего не спрашивает. Заводит автомобиль, стартует с места. Дурные мысли атакуют. Воображение подкидывает неприятные картины.

Он трахал Ярославу, а потом приходил домой, целовал меня! Признавался в любви! Дарил цветы!

До дома мы добираемся быстро. Всё самообладание уходит на то, чтобы уложить дочь спать. Она устала и засыпает быстро. Я сижу на кресле в её комнате, а по щекам текут слёзы. В темноте не видно, но я чувствую, как щёки становятся мокрыми.

Боль тлеет в груди. Скребётся, раздирая нежную кожу. Провожу ладонями по лицу.

Надо собрать вещи. Найти квартиру. Оставаться в доме, когда всё напоминает о нашем счастье, просто невозможно!

Первым делом иду в ванную. Умываюсь. Тушь бежит по щекам. Тянусь к средству для снятия макияжа, а под руку попадают шприцы с гормонами. Мы собирались сделать ещё одну попытку ЭКО. Я уже начала подготовку. Только теперь это не имеет смысла.

Рожать от предателя я не хочу.

Выкидываю препараты. Беру средство и снимаю макияж. Привычными движениями очищаю кожу, наношу уход.

Я запрещаю себе плакать. Слезами горю всё равно не поможешь. Так какой смысл тратить силы? Внутри кроме боли разрастается пустота.

Достаю чемоданы, иду в гардероб. Сначала кидаю в него вещи Аэлиты. Только самое необходимое! Потом перехожу к своим. Дизайнерские платья – подарки Германа. Их я оставляю. Беру только повседневную одежду. Украшения, наоборот, пакую.

Если будет туго с деньгами, то продам их. Раньше они были историей нашей любви – теперь просто бесполезный хлам.

Чемоданы спускаю в холл.

В горле стоит ком. Никак не могу избавиться от него. Иду на кухню, наливаю стакан воды. Свет зажигать не стала. Я и так знаю всё здесь наизусть. Сажусь на стул в тёмной кухне.

Чувствую себя полной дурой! Старалась для него. Готовила. Дом содержала в порядке! Собой занималась! Тренировалась до седьмого пота, лишь бы мужу за меня не стыдно было! Всё для него! Всё для нашей семьи! А в итоге мне тридцать. Муж - козёл, а я на помойке!

Вот и вся история.

Свет резко вспыхивает. На пороге стоит Герман. Смотрит хмуро. Обвиняющее. Словно это на мне вина!

- Ты уже вещи собрала? – хмыкнул он пьяно – Куда-то собралась?

Качаю головой.

- Я не собираюсь говорить с тобой, когда ты в таком состоянии.

- А придётся! – орёт он как безумный – Тебе придётся со мной поговорить!

Страх острыми иголками впивается в кожу. Невероятным усилием воли беру себя в руки и спокойно говорю:

- Не кричи! Ты Литу разбудишь.

- А мне плевать! – шипит он – Ты только её и видишь! Лите то надо, Лите это! У тебя муж есть! Вот он я перед тобой!

- То есть в твоей измене ребёнок виноват?

Он подходит близко. С силой бьёт по столу. Мой стакан подпрыгивает, и часть воды оказывается на столе.

- Мира, ты совсем охамела? Живёшь на всём готовом! За мой счёт, между прочим! Катаешься как сыр в масле и даже выслушать не можешь?

- Хорошо. Говори.

Мне страшно, и я соглашаюсь с ним. Ведь в таком состоянии мужа я ни разу не видела.

- Спасибо за одолжение! – кривится муж – Это так благородно с твоей стороны!

- Ты хочешь объяснить или издеваться? – хмурюсь я.

Он сверлит меня тяжёлым взглядом. Но потом всё же садится, берёт стакан, пьёт жадно.

- Так больше продолжаться не могло. Эта постоянная суета с ЭКО. Мне это надоело! Ты не можешь родить! Надо это просто признать и смириться.

Его слова бьют сильнее, чем предательство. Прямо в солнечное сплетение. Стараюсь держать удар, но всё равно сгибаюсь пополам.

- И я решил эту проблему. Твоя сестра выносит и родит, а ты будешь воспитывать ребёнка. Мне уже сорок. Время поджимает. Не хочу быть старым дедом, когда мой сын окончит школу.

Глава 2

Смотрю на него в полном шоке. Он сейчас серьёзно это говорит?

- Ты шутишь?

На глаза наворачиваются слёзы. Тру грудь, чтобы хоть немного унять боль, но ничего не помогает.

- Нет. Я абсолютно серьёзен. У нас будет наш сын. И тебе больше не придётся проходить через болезненное ЭКО. Теперь ты понимаешь, что я для нас сделал?

- Понимаю. – шепчу едва слышно. – Ты всё разрушил.

- Мира, возьми себя в руки и включи мозги! – рычит муж – У нас с тобой будет долгожданный ребёнок! Сожалею, что ты узнала об этом так. С Ярославой я поговорю завтра. С прессой вопрос уже решил.

- Как ты себе это представляешь? – неверующее переспрашиваю.

Он же не может всерьёз думать, что всё в порядке?

- Значит так. Купим накладной живот. Поносишь его пару месяцев, пока Ярка не родит. Она пока поживёт в другой стране. Потом летим туда вместе, оформляем усыновление и всё. – излагает свой план муж – Ах да. Надо ещё Аэлилу куда-то пристроить. Ты будешь занята нашим сыном, а её мамаша оказалась за ней смотреть. Ну ничего. Я найду няню с проживанием и сниму им квартиру. Там поживёт.

Только сейчас до меня доходит, что Герман говорит серьёзно. Он всё продумал. Для него секс с Ярославой словно случка породистых животных!

- Ты хотя бы подумал о моих чувствах? – немеющими губами говорю я.

Муж тяжело вздыхает. Трёт переносицу.

- Мира, давай ты не будешь прикидываться нежной ланью? Хорошо? Я как глава нашей семьи уже всё решил. Это наилучший выход. Твоё дело – принять это. Раз уж ты не смогла родить мне наследника, это сделает твоя сестра. Воспринимай её как суррогатную мать. Разницы нет!

- С суррогатными матерями не спят отцы детей! Или хочешь сказать, вы делали зачатие в клинике? Так там не используют яйцеклетки суррогатной матери! – огрызаюсь я.

- Не надо себя накручивать, Мира. Ты только вредишь себе. Всё! Я устал. Пойду спать. Детали обсудим завтра. – он встаёт, идёт к двери – Ах да. Последнее ЭКО уже оплачено. Давай попробуем, вдруг случится чудо.

Стискиваю зубы. Наблюдаю, как он идёт к двери и скрывается за ней. Слышу его шаги на лестнице.

На место боли приходит злость. Он меня вообще за кого держит? Думает, я как блеющая овечка буду поддерживать все его начинания? Соглашусь воспитывать их с Ярой ребёнка? Отдам дочь, к которой прикипела всей душой?

Мой мир сейчас разлетелся на тысячу маленьких осколков. Похоже, муж совершенно меня не знает. И не любит. Его слова похожи на простой расчёт.

А что, одна сестра рожает, вторая воспитывает. И волки сыты, и овцы целы. Он всё продумал. Не учёл только одного: я не собираюсь всё это терпеть.

Ждать утра тоже не собираюсь. Устраивать разборки при дочери нет желания. А в том, что Герман меня так просто не отпустит, я уверена. Водитель уже готовится ко сну. Я прошу его отвезти нас в город, но он извиняется и отказывается.

Хозяин запретил нас везти. Подготовился, значит, гад. Ну, ладно.

Вызываю такси. Прошу водителя не шуметь и выключить фары. Вытаскиваю чемоданы на улицу. Благо у нас дом в городе и никакой огромной территории нет. Всего-то дорожка в десять метров.

Когда такси подъезжает, прошу водителя положить наши вещи в машину, а сама возвращаюсь за дочкой. Ни за что не оставляю её с этими монстрами наедине!

Лита сонная, но вопросов не задаёт. Приходится нести её до машины. Я тихо закрываю дверь, ключи бросаю в сумку. Пригодятся, когда я сниму квартиру и решу забрать вещи.

Мы едем в отель. Номер я не бронировала. Не думала, что придётся уезжать из дома посреди ночи, но по телефону сотрудник сказал номера свободные есть.

Дочь снова засыпает в машине. Я глажу её по голове, мысленно обещаю, что всё у нас будет хорошо. Хотя сама в этом не уверена.

На ресепшене нас встречают приветливо. Быстро оформляют нам двухкомнатный номер. Я прошу помочь с вещами и проводить. Не хочется заблудиться посреди ночи.

Сотрудник смотрит внимательно на мою фамилию, и у него щёлкает узнавание.

- Соловьёва? Вы родственница того самого Соловьёва? Ну, продюсера?

- Да. Можно побыстрее? Дочь тяжёлая.

- Конечно-конечно. Пойдёмте к лифту!

Нас провожают до самой двери. Заносят чемоданы в номер, показывают, как включить свет. Я благодарю, даю чаевые и наконец закрываю дверь.

Несу Аэлилу в огромную постель. Кладу её спать. Сама быстро готовлюсь ко сну и ложусь рядом. Хорошо, что я не одна. Мне есть для кого быть сильной, и это придаёт уверенности.

А с утра нас будит резкий стук в дверь. Так стучать персонал точно не может. На секунду пугаюсь, что это Герман, но открыв дверь, понимаю – лучше бы это был он.

В гостиную влетает мама, она с ходу швыряет газету мне в лицо и орёт:

- Ты что устроила, дрянь?!

— И тебе доброе утро, мама! — хмыкаю, ничуть не удивлённая её приходом.

— Ты мне ещё погрызайся! — кричит она, хлопая дверью.

Я подхожу к двери в спальню. Улыбаюсь дочери и прошу её идти умываться, а сама плотно прикрываю дверь.

— Мама, убавь тон и громкость, иначе я вызову охрану и скажу им, что ты вломилась в мой номер.

Родительница хлопает глазами. Не ожидала от меня угроз? Я сама от себя не ожидала, но этой ночью поняла: никто меня защищать не будет. Придётся рассчитывать только на себя.

— Как ты смеешь так с матерью разговаривать?

В её голосе всё ещё слишком много яда, но громкость она убрала. Значит, подействовало.

— А как ты смеешь врывать в мой номер? Пугать свою внучку? Обзывать?

В отличие от матери я не собираюсь орать или ругаться. Спокойно сажусь на диван, закидываю ногу за ногу.

— Мне звонила Ярослава! Она в истерике! У неё с утра был Герман и такого ей наговорил! Ты вообще понимаешь, что она может потерять ребёнка?

— Прости, мама, но мне плевать на трудности Яры. — пожимаю плечами.

Этой ночью я решила вычеркнуть из своей жизни всех предателей.

— Да как ты можешь так говорить!? Она же твоя сестра!

— И что с того? Ей это не помешало залезть в штаны к МОЕМУ мужу! — интонацией выделяю слова.

— Всё завидуешь, что Ярослава успешнее тебя? — хмыкает мать — Какая же ты мелочная. Мне стыдно, что ты моя дочь.

Это становится последней каплей моего терпения. Кривлю губы в издевательской усмешке.

— Стыдно, значит? А тебе не стыдно, что твоя младшенькая уже второй раз в подоле приносит? Ты вообще знаешь, кто отец Литы? Или это так и осталось загадкой? Твоя обожаемая Ярочка — стерва и бл... - ругательство само собой вырывается изо рта — И если тебе

так невыносимо, что я твоя дочь, то я облегчу твои страдания! Забудь обо мне и живи дальше сама! И на деньги больше не рассчитывай.

Мать меняется в лице. Я подкидывала ей часть своего заработка. Деньги я особенно не тратила. Все потребности закрывал Герман и даже не знал, что на моём счету копятся деньги. Теперь же ни копейки больше не переведу.

Пусть её обожаемая Ярослава её содержит. Путешествия оплачивает и квартиру.

— Это не твои деньги, а Германа! — растерянно бормочет она — Ты не имеешь права урезать мой доход!

— Да? Ну тогда удачи тебе уговорить его и дальше тебя содержать! А ещё можешь у Ярославы попросить. Она же станет скоро матерью его сына.

— Ты просто завидуешь! Прекрати, Мирослава! Если будешь хорошо себя вести, то Герман согласится, чтобы ты жила у них в качестве няни.

Я поднимаю брови. Что-то не сходятся показания мужа и матери. Он вчера мне другие песни пел. Или специально это говорил, чтобы я осталась? Простила его?

— Няни? Герман не собирается со мной разводиться. Предлагает мне стать матерью его сына. — с наслаждением просвещаю её — Или ты думаешь, что мы будем жить гаремом? Так, даже в многожёнстве запрещено жениться на сёстрах.

Мама меняется в лице. Бледность затапливает её губы. Глаза теряют былую уверенность, но она быстро берёт себя в руки. Сжимает кулаки.

— Не смей мешать Ярославе! Смирись с тем, что Герман выбрал её! Ты всё равно не способна на полноценную семью! Мужчине нужны наследники, а ты не можешь забеременеть. Так что не смей мешать их счастью!

Как же мне больно от её слов. И горько, и противно! И от кого? От собственной матери! Она даже не видит, как мне плохо! Или не хочет видеть?

Я для неё нелюбимая дочь. Всегда была и всегда буду. А теперь ещё нелюбимая жена. Одиночество давит на плечи.

— Убирайся. — устало говорю я ей.

Этот скандал выпил все соки. Не хочу больше ничего слушать! Мне нужно просто залезть в свою раковину и попробовать подумать, как жить дальше.

Мама вскидывает гордо подбородок. Она идёт к двери, всем своим видом показывая превосходство, и, если раньше я хотя бы уважала её за силу духа, всё же она одна подняла нас с сестрой без отца, но теперь у меня не осталось ничего к ней. Только пустота. Как будто передо мной чужой человек.

Машинально поднимаю газету, которую в меня швырнула мать. Глаза падают на первую страницу.

— Твою мать! — тяну, глядя на фотографию.

Из комнаты выглядывает дочь. Я мысленно бью себя по губам.

— Бабушка ушла?

Дочь напугана. Её жёлтые глаза расширены до предела. А реснички быстро летают над огромными глазками.

Раскидываю руки, и Лита бежит ко мне. Обнимаю её, прижимаю к себе. От неё пахнет моими духами. Видимо, ночью прижималась, когда было страшно.

С бабушкой дочка никогда особо не общалась. Мама просто не замечала её, делая вид, что Аэлита посторонняя для неё. Конечно, меня это обижало, но что я могла сделать? Насильно мил не будешь.

— Да, малышка. Бабушка ушла.

— Она так кричала.

Дочь дрожит в моих объятиях, а мне так жалко её становиться! Не повезло ей родиться в нашей чокнутой семейке. Как бы я хотела для неё любящих родителей, но у неё есть только я. Сломанная и растерянная.

— Не переживай. Я не дам тебя в обиду!

— Мы больше не будем с Германом жить?

Аэлита никогда не называла мужа папой. Да он и не стремился к тому, чтобы стать её отцом.

— Нет, не будем.

Это решение я приняла окончательно и бесповоротно. И хоть глупое сердце кричит от боли, другого пути нет. Он меня предал! Растоптал моё доверие! Как нам дальше жить?! Даже если Яра с ребёнком исчезнут из нашей жизни ничего как раньше уже не будет.

Аэлита кивает. Прижимает меня крепче. Она уже одета и умыта, а я всё ещё стою растрёпанная в пижаме. Нужно накормить дочь. Спускаться в ресторан я не собираюсь. Там наверняка нас будут поджидать репортёры.

Я всё ещё сжимаю газету в руках. Фото с камеры наблюдения отеля красуется на главной странице. И громкий заголовок: «Скандал в семье Соловьёвых! От известного продюсера ушла жена! При чём тут Ярослава? Читайте в статье!» В интернет даже заходить не хочу.

И если грязная история всё ещё не просочилась в медиа, то это вопрос времени.

Заказываю завтрак в номер, а сама иду умываться.

В зеркале уставшая тридцатилетняя женщина с мешками под глазами. Только радужка светится ярким голубым топазом. Длинные каштановые волосы спутались и сейчас кажутся вороньим гнездом.

Про таких, как я говорят «несчастливая». Тусклая кожа, тусклые волосы. Замученный взгляд. Надо исправлять!

Быстро мою голову, укладываю волосы. Наношу лёгкий макияж. Выбираю простые джинсы и футболку. Сегодня предстоит найти квартиру и переехать туда. Так что мне не до дизайнерских нарядов.

Пока собираюсь, нам приносят еду. Я принимаю заказ и прошу прислать ко мне управляющего. Официант с тревогой смотрит на поднос, но, не найдя там беспорядка, кивает и уходит. Мы с дочерью спокойно кушаем.

Она тихо сидит рядом. Не мешает и не расспрашивает. Вообще, Аэлита всегда была идеальным ребёнком. Некапризная, умненькая и аккуратная. Моя радость и отдушина в погоне за собственным ребёнком.

И мы могли бы жить так и дальше. Воспитывать в любви нашу дочь, просто жить счастливо, но муж выбрал другой путь.

Чёрная туча боли опять накрывает. Прикладываю руку к сердцу, но мне не унять боль простым жестом. Это просто невозможно.

Пока мы ждём менеджера, я быстро звоню по объявлениям, которые сохранила вчера. Договариваюсь на просмотр квартир под сдачу и предупреждаю, что буду с вещами и если мне всё понравится, то въеду прямо сегодня.

Управляющий вежливо стучит. Открываю и замечаю его бегающий взгляд, я понимаю: он прекрасно знает, почему я его позвала.

Молча показываю ему газету.

— Прошу прощения, Мирослава Евгеньевна! Сотрудника, эм... позволившего себе... утечку мы уже уволили! Мы заботимся о безопасности и конфиденциальности наших гостей!

— Очень сомневаюсь. — говорю холодным голосом — Иначе не понимаю, почему посторонние знают, в каком номере мы остановились.

Менеджер бледнеет ещё больше.

— Мы обязательно проведём проверку...

— Меня не интересуют ваши внутренние дела. В вашей гостинице я оставаться больше не буду и никому не посоветую. От вас мне нужно только одно — безопасный выход. Мы съезжаем сейчас же. Остаток оплаты можете вернуть мне на карту, которой я оплачивала проживание.

Ночью я заплатила за трое суток. Надеюсь спокойно подумать о дальнейших действиях, посмотреть квартиры, но теперь это невозможно. Ни о каком спокойствии речи уже не идёт.

— Конечно-конечно! Мы всё устроим! Через пол часа подадим автомобиль к чёрному входу и поможем вам незаметно покинуть здание. Прошу прощения ещё раз за эту ситуацию!

Он красиво говорит, но я почему-то не верю ни единому его слову. Только выбора у меня всё равно нет. Соглашаюсь и жду, пока придёт носильщик.

Вместе с сотрудником мы едем на лифте для персонала, идём по внутренним коридорам. Выходим на улицу в закоулок. И там действительно стоит машина. Но не успеваю вздохнуть облегчённо, как замечаю Германа. Он идёт к нам, стиснув зубы.

Лита бледнеет на глазах, сжимается в комочек. Неужели она слышала, как мы ругались вчера ночью?

Мало того, что вся эта ситуация мне нервы портит, так ещё и дочь страдает!

— Садись в машину милая, и не переживай.

— Мне страшно. — шепчет Аэлита, прижимается ко мне.

— Всё будет в порядке. Я только поговорю с ним и сразу к тебе присоединюсь.

Глажу по голове дочку, открываю ей дверь.

— Ты что устроила? — рычит подошедший муж.

Сажаю дочь в машину, захлопываю дверь. Носильщик смотрит на нас огромными глазами. Герман замечает постороннего, суёт ему несколько купюр.

— Скрылся! Быстро!

Кривая улыбка играет на лице мужа. Он злится. Я вижу это в уголках его глаз.

— Какого чёрта ты делаешь, Мира? Драмы захотелось? Живётся скучно? Так, я устрою тебе веселье!

Качаю головой потрясённо.

— Это ты изменил мне, Герман! Помнишь? И вчера я это узнала. Какой ещё реакции ты от меня ждёшь? Думаешь, я проглочу всё это дерьмо и буду терпеть твои походы налево?

— Да оглянись же ты вокруг! Все так живут! Мужчины вообще полигамный вид! — шипит муж мне прямо в лицо — Ты что особенная? К тому же я объяснил! Я сделал это для нас! Чтобы у нас с тобой был ребёнок!

На глаза наворачиваются слёзы, но плакать перед ним не собираюсь.

— Так это твой ребёнок! Твой и Яры! Понимаешь? Я к нему не имею никакого отношения!

— Прекрати! Я же всё уже объяснил! И если бы ты не брыкалась, то никто ничего не заметил бы! А теперь всё это дерьмо по всем газетам расплзётся! В холле уже пасётся десяток журналистов! — подтверждает мои предположения муж. — Хватит выделываться! Поехали домой, любимая!

Последнее слово ранит. словно по сердцу скальпелем. Порез чистый и ровный, но почему же так болит?

Он всегда меня называл любимой. Никаких милых прозвищ, комплиментов. Только взгляд жадный, голодный и слово «любимая» с придыханием. Раньше от него моё сердце удар пропускало, а потом пускалось вскачь. И я за своей огромной любовью просто не замечала его скотскую натуру.

Теперь же воздушный шар моей любви лопнул, а в руках остался только бесполезный кусок резины и боль. Целое солёное море боли.

Теперь это слово не для меня. Оно теперь для моей сестры. В голову приходит утренний разговор с мамой. Вскидываю опущенную голову.

— А что об этом думает Ярослава? Она готова на подобный сценарий?

Герман морщится, словно от головной боли. На губах появляется оскал. И я понимаю, что мама была права. Не знаю уж, на что Ярославу уговаривал муж, но быть второй в нашей семье она явно не захочет.

— Это мои проблемы. Тебе об этом не нужно думать. Только настроение себе портишь. Ну серьёзно, Мир, давай начистоту? Тебе уже за тридцать. Профессии нет, жилья нет, чужой ребёнок на шее висит. Ты на что надеешься?

— На себя, Гера. Только на себя. — говорю горько.

Никакого плана у меня нет, только и в грязи я себя валять не позволю. Он вздыхает. Привычным жестом зажимает переносицу.

— Значит так. Мне на работу пора. Лимит по твоей карте я увеличу в два раза. Возьми с собой Литку и пройдитесь по магазинам. Выбери себе что-нибудь в качестве моего извинения. Украшения или платье. Или всё вместе. А вечером встретимся дома. На ужине. — он быстро чмокает меня в щёку — И не глупи, Мира. Не стоит испытывать моё терпение.

Глава 3

Всё пошло по ... Чёткий план обернулся катастрофой, но уверен, ситуацию ещё можно исправить.

Нужно только убедить Мирославу трезво посмотреть на ситуацию. Она со своей приبلудной девкой вообще забыла о НАШЕЙ семье. Только про неё и думает!

А я, между прочим, здоровый мужик. И хочу видеть рядом с собой красивую и отдохнувшую девушку, а не замученную клушу. Ладно, если бы моя жена так опекала моего ребёнка. На это я согласен, но она же вцепилась в чужого!

Зря я это ей позволил. Нужно было запретить брать к нам Аэлилу. Она слишком напрягает. Одним своим присутствием!

Я хочу брать жену на кухню. Громко и сочно, как делал это раньше, но приходится постоянно думать о ребёнке.

Сел за руль. Завёлся. По пути в офис позвонил в банк и, как обещал, увеличил лимит по карте для Мирославы. Она примет ситуацию. Рано или поздно. Выбора у неё всё равно нет.

Дорога до работы прошла отвратительно. Козлы так и лезли под колёса. Поток плёлся со скоростью рака пешим ходом! И в завершении всего моё место оказалось занято!

Припарковался рядом. Достал складной нож из кармана. Накинул капюшон на голову, чтобы скрыться от камеры на парковке. Проходя мимо, оставил глубокую и чёткую царапину по всему корпусу чёрного внедорожника, который стоял на моём месте.

На охране попросил вызвать эвакуатор и освободить моё место. Иначе за каким хреном я бабки плачу?

Вроде пар спустил, а в душе всё равно словно кошки насрали. Последние полгода я мечтал проснуться один в доме. Без голосов на кухне и запахов еды, от которых с утра ворочало. Ну вот. Сбылась мечта идиота.

Это оказалось ни хрена не весело.

Ещё Яра с утра скандал закатила из-за статейки в третьесортной газетёнке. Видите ли, фотку её неудачную поставили на первую страницу и поклонники гадости в соседях пишут. А не хрен было выделяться!

Всё, что требовалось от этой идиотки — выносить ребёнка и родить его. А ещё держать язык за зубами. Неужели это так трудно? Нет же! Захотела чёрного пиара!

По плану Мирослава не должна была узнать кто мать ребёнка. Убедил бы её поехать за границу, чтобы усыновить малыша. А там дал бы денег, чтобы усыновить именно моего сына. Но Яра решила сделать сюрприз! Чтоб её!

Теперь нужно исправлять всё это дерьмо!

Проверил почту. Интересные предложения по площадкам отправил организаторам. Юрист прислал контракт на нового подопечного. Прочитал его, удостоверился, что всё чётко, и переслал его напрямую исполнителю.

И две суммы. С комиссией его агенту и без. Пусть выбирает, чего он хочет. Заработать сам или отдать свои бабки левому человеку.

Я снимал офис в одном из бизнес-центров. Вроде приличный, но количество косяков напрягало. Охране потребовался час, чтобы увезти корыто, стоящее на моём месте, и меня это тоже злило.

Мне позвонили, сообщили, что проблема решена. Пришлось выходить на парковку, переставлять машину.

У неё меня ждала тёща. Она переступала с ноги на ногу, неуверенно топталась на месте. Ничего хорошего об этой мегере я сказать не мог.

Себялюбивая и эгоистичная. Она всегда гнобила Мирославу. Я в их отношения не лез, чтобы крайним не оказаться, но и общаться с Марией Игоревной не собирался.

— Ой, Герман! Привет! Что же охранники твои не пускают меня в здание?

— У них приказ не пускать посторонних. — я пожал плечами.

— Ну что ты! — натужно засмеялась тёща — Какая же я посторонняя! Мы же родня!

— Допустим. — буркнул я и нахмурился, ожидая продолжения разговора.

Она ведь не просто так объявилась! Неужели буде читать нотации, что Миру обидел? Мария Игоревна скривилась в улыбке.

— Я хотела поговорить с тобой.

Её грузная фигура излучала неуверенность. Но объёмный бюст выдавался вперёд, сообщая, что просто так она не уйдёт.

— Хорошо. Подождите. — быстро перепарковался. — Пойдёмте в мой офис.

Приглашать её в свою обитель мне не хотелось, но и разговаривать на чувствительные темы в общественном месте глупо. А я и так совершил уже слишком много глупостей. Хватит с меня.

К лифтам шёл в обычном темпе. За спиной сопела тёща. Её тяжёлое дыхание наверняка слышно даже в кафе через дорогу!

Мы подняли на этаж. Я плюхнулся в своё кресло, взял в руки бейсбольный мяч.

— Герман, мне звонила дочь сегодня.

Хм... интересно. Администратор сказал, что Мария Игоревна приходила в отель, где жила Мира. Неужели она сама ей позвонила и попросила прийти?

— Она очень расстроена. — продолжила тёща, заламывая пальцы.

— Я в курсе. — злобно буркнул.

Лицо Мирославы с заплаканными глазами стояло перед глазами. Она старалась смотреть с вызовом, но я видел боль в уголках глаз.

— Ты бы приехал, утешил её. А то она же может и ребёнка потерять!

— Чего? Вы о ком? — перебил я тёщу.

— О Ярочке, конечно! О ком же ещё! Она плачет постоянно! Ей так одиноко! А ещё хейтеры атакуют!

Теперь всё ясно. Она пришла за младшую дочь просить. На Миру ей абсолютно плевать.

— И что же я, по-вашему, должен сделать?

— Ну как же! Объявить дату свадьбы, естественно!

— Какой ещё свадьбы? — прорычал, теряя терпение.

— Желательно пышной и красивой. — ничуть не смутилась тёща — Главное, чтобы дата была до появления ребёнка. Плохо будет, если он родится вне брака.

Этот разговор всё больше напоминал мне бредовый фарс.

— Мария Игоревна, я, вообще-то, женат. На вашей старшей дочери, между прочим. Не забыли?

Грузная тётка отмахнулась небрежно. Скривилась, словно ей под нос дерьмо подсунули. Видимо, всё-таки она поговорила с Мирой и та сказала ей пару ласковых. Было бы смешно, если бы не было так гадко.

— Ну это нужно уладить. Опять же времени не так много. Я думала, ты раньше начнёшь процесс развода, но что сделано, то сделано. Теперь нужно исправлять ситуацию.

— Ничего исправлять я не собираюсь! Не знаю, что вам Ярослава наплела, но я ей никакую свадьбу не обещал. Меня вполне устраивает моя жена.

Тёща опешила. Её рот раскрывался, губы округлялись, а потом просто закрывались сами собой. Она напоминала рыбку, выброшенную на берег.

— Но...но... как же ребёнок? Как же он родится без брака? — в итоге выдала эта особа.

— Что-то не припомню, чтобы в роддоме спрашивали штамп в паспорте. — хмыкнул я
— Тем более для Яры не впервой рожать вне брака.

Мария Игоревна залилась краской.

— Это была ошибка молодости! Стыдно должно быть женщину ребёнком попрекать!

— А я и не попрекаю. — перебил её — Тем более моя жена растила Аэлиту как свою дочь. Она взяла её под опеку пять лет назад, если вы не забыли об этом. А я содержал её! Все эти пять лет! Но теперь у нас будет свой ребёнок. И что касается Ярославы, ей условия были озвучены сразу. Она согласилась. Какие ко мне претензии?

Старался говорить как можно холоднее и спокойнее, но так, чтобы до неё, наконец, дошло
— жениться на Яре я не собираюсь. И разводиться с Мирой тоже.

Зачем мне менять шило на мыло? Мирослава отлично воспитана. Она красивая, стройная, умеет вести себя в обществе и на ковровой дорожке. На людях богиня, дома хозяйка, в постели тигрица. Тусовки не любит, но может составить компанию, если надо. Хорошая мать. Единственный недостаток — бесплодие, но это решаемо.

Так на кой мне менять её на взбалмошную, избалованную, визгливую и неразборчивую в связях младшую сестрёнку?

— Ты обязан нести ответственность перед моей дочерью! Если сам не захочешь, мы пойдём в суд! И там обяжут тебя жениться! — закричала тёща.

— Ха! Ну, попробуйте!

Она и сама понимала, что это полный бред. Как она вообще себе это представляет? Мария Игоревна поджала губы, успокоилась и села на стул. С которого вскочила минутой ранее.

— Ладно. Не будем горячиться, но ты же понимаешь, что вопрос нужно решать? Так, всё оставить не получится!

— Конечно, понимаю. — согласился я.

Вот только представления о решении вопроса у нас с ней отличаются. Я собирался вернуть Миру и воспитывать с ней сына. А от Ярославы требовалось только одно — родить здорового ребёнка.

Единственная проблема — излишняя фантазия этих двух куриц. Они ведь и с ребёнком могут что-то сделать!

— Я поговорю с Ярославой. Не переживайте.

Она довольно поднялась, поправила свой пиджак. Несмотря на грузность и «оплавленные жиром» формы, тёща старалась одеваться модно. В дорогую одежду известных брендов. Но если у Мирославы это получалось стильно, то у Марии Игоревны это выглядело глупо и дешево. По колхозному.

— И ещё, зятёк. Я сегодня беседовала с Мирой. Она пригрозила мне перестать переводить деньги на моё содержание. Надеюсь, ты будешь благоразумен и не станешь мелочиться?

— Какие ещё деньги? — не понял я.

Статьи помощь бедным родственникам в нашем семейном бюджете точно не было.

— Ну как же? Мира каждый месяц переводила мне пятьдесят тысяч. Прибавку к пенсии!

Так-так-так... И откуда у неё деньги? Брала без спроса со счёта? Так все траты через меня проходили. Нужно узнать, что это за странные деньги. А пока, я поднял голову, посмотрел тёще прямо в глаза.

— О деньгах можете забыть. И рассчитывать только на свои. Вы взрослый человек.

Лицо Марии Игоревны снова покраснело, а потом резко побледнело. Она схватилась за грудь, нелепо крикнула и медленно завалилась набок.

Глава 4

Мирослава

Водитель отвёз нас в город. Никакого шопинга у меня в планах не было. Нормальную семью не купить за деньги. Мне казалось, Егор это понимает.

Когда мы встретились, он был организатором мероприятий средней руки. Собственно, я выступала на одном из его концертов. Так и познакомились. Звёзд с неба Герман не хватал, но был цепким и упорным.

Сначала я не обратила на него внимания. Не хотела связываться с людьми из шоу-бизнеса. Они казались мне слишком странными. Постоянные свадьбы, разводы, скандалы. Ничего серьёзного в отношениях не стоило ждать, но Герман показался мне совершенно другим.

Ухаживал красиво. Цветы, подарки, даже путешествие на старенькой ладье по «Золотому кольцу». На что хватило средств. Поездка мне очень понравилась. Да и спутник тоже. Казалось, что мы дышим с ним одним воздухом.

Он договаривал за мной фразы, я всегда по выражению лица понимала, о чём он думает. У нас были общие цели, мечты. И мы шли к ним вместе!

Большой дом в черте города, уютная любящая семья, положение в обществе, успех в работе. У нас же всё было!

Кроме ребёнка.

Неужели именно это разрушило нашу семью? Моё бесплодие? Или навязчивое желание родить малыша?

Или Герман изначально не планировал хранить мне верность и эта измена не первая? Перевела взгляд на сидящую рядом Аэлиту. А что, если она тоже дочь моего мужа? Не просто же так он разрешил взять её к нам? Может, в первый раз всё получилось случайно, а теперь они решили просто повторить этот фокус?

Мысли разъедали душу, как кислота. Всю дорогу я смотрела на приёмную дочь и пыталась найти в ней черты мужа. Разрез глаз от Яры, нос вроде тоже. Волосы пушистые и светлые, как лён. Таких в нашей семье нет, да и в семье Германа тоже.

Свекровь обладала чёрными, как вороново крыло, и прямыми волосами. Они тяжёлым покрывалом спадали ей на плечи.

В конце концов, запретила себе думать об этом. Даже если отец Литы – Герман, то что это меняет? Я её не брошу в любом случае. Она моя дочь! И точка. А всё остальное... Пусть останется на совести моего мужа и сестры.

Водителя попросила высадить нас на оживлённой улице. Не за чем ему знать, куда мы с дочкой направляемся. Литка катила свой чемодан, а я свой. Мы зашли в кафе, чтобы скоротать время до просмотра квартиры. Я заказала нам по пирожному и кофе, а для дочери какао.

Пока она вылавливала кусочки маршмеллоу из своей кружки, я думала о будущем. Деньги, отложенные от уроков, однажды закончатся. А ещё теперь придётся снимать квартиру, покупать еду, оплачивать няню, а потом и школу для дочери. И на всё это нужны средства.

Алименты от Германа мне не положены. Аэлита под моей единоличной опекой. Никаких выплат я не оформляла. Ярослава ограничена в родительских правах, но их не лишена. Этот шаткий правовой статус устраивал всех, но теперь обстоятельства изменились.

Нужно срочно искать юриста и начинать бракоразводный процесс. А также параллельно решать вопрос с удочерением Аэлиты и поиском работы.

И, кажется, я знаю, кто может мне помочь с таким юристом.

— Литка, дорогая, посиди пока здесь. Я ненадолго отойду. — дочь кивнула, больше увлечённая сладким, чем мной.

А я набрала телефон подружки, с которой не общалась уже несколько лет.

— Алло, Юля? Привет. Это Мира.

— Привет. Я тебя узнала. Какими судьбами? Неужели муж телефон вернул?

Я поморщилась. Прожжённая жизнью, дважды в разводе, подруга ещё много лет назад предложила нам с Германом развестись и попробовать родить детей в других браках, если уж нам так этого хочется. Именно поэтому мы и перестали общаться. Ведь пять лет назад такие слова показались мне предательством нашей дружбы. Кошунством!

— Ты же знаешь, что дело не в нём.

— Ну, ладно. А сейчас тогда зачем звонишь?

Закрыла глаза. Говорить было стыдно. Отчаянно больно. Словно я вновь проживала предательство самого близкого и любимого человека. Вдохнула глубоко и, наконец, призналась сама себе:

— Я развожусь, Юль. Мне нужна твоя помощь.

Подруга примчалась быстро. Хотя я попросила только номер телефона её адвоката. Раньше мы с Юлей были не разлей вода. Она понимала меня как никто другой, только выбор мой не поняла и не приняла.

С Германом у неё всегда были напряжённые отношения. Нет, конфликтов не было, но всё же неловкость присутствовала. Теперь же я боялась осуждения с её стороны, ведь она оказалась права.

— Рассказывай. — вздохнула Юля.

Она отвезла нас на своей машине в большой детский центр, и пока Лита прыгала на батуте, мы присели за столик.

— Да, нечего рассказывать. Ты была права. — слова проталкивались через горло с трудом, слёзы подкатывали и душили — У Германа будет ребёнок.

— У Германа? — не поняла подруга. — Или у вас?

— У Германа и моей сестры.

Юля подняла брови, реагируя на моё откровение.

— Дела...

— Угу. Только разводиться он не хочет. Думает, что я буду воспитывать его сына. С Аэлитой же прошёл номер, вот так и с его наследником.

— Ты думаешь, Лита тоже от него?

Пожала плечами.

— Не знаю, что и думать, Юль. Просто вся эта ситуация абсолютно паршивая.

Подруга отпила из своего стакана. Облизала пенку с губ.

— А ты не думала согласиться на это предложение?

— Я не смогу так жить. — замотала головой — Знаешь, я ведь думала предложить такой вариант. Ну, с суррогатной мамой. Но переспать с моей сестрой... И скорее всего не один раз... Это... просто омерзительно.

Её телефон замигал входящим сообщением. Она глянула на него и довольно улыбнулась.

— Рада, что ты, наконец, одумалась и полностью поддерживаю твой выбор!

Она набрала быстро сообщение, отправила его и улыбнулась ещё ярче.

— У меня жизнь рухнула, — проворчала я — а ты переписываешься.

— Но я тебя внимательно слушаю! Тем более это по делу. Я договорилась с адвокатом. Он будет тебя ждать завтра в десять.

— И ты поэтому так улыбаешься?

— Не-а. Завтра Мир приезжает. — ошарашила она меня.

Я опустила глаза, стараясь унять бешено стучащее сердце. Брат Юли давно уехал из страны. Иногда я видела афиши с его именем и втайне завидовала. Он играл на фортепиано и учился в той же музыкальной школе, в которой училась я. Только на год старше.

Естественно, на отчётных концертах нас часто ставили в пару, ведь скрипка хорошо аккомпанирует фортепиано. Мирон и Мира. Нами гордились наши учителя и пророчили грандиозную карьеру. Только он добился признания, а я выбрала другой путь.

И этот путь привёл меня к разводу.

— Зачем? Он же вроде переехал.

— Не знаю. — беззаботно передёрнула плечиками подруга — Вот завтра и узнаем. Я пригласила его на ужин. Ты же придёшь? Посидим как в старые добрые!

Я скривилась.

— Знаешь, у меня сейчас столько проблем. И Литу не с кем оставить.

— Глупости! — отмахнулась подруга — Бери её с собой! Хоть развеется. И тебе нечего дома киснуть! Нужно отвлечься от проблем.

На самом деле, причина была только одна: я не хотела расписываться в своей неудаче. Мирон предупреждал меня, что я зря отказываюсь от карьеры. Просил не выходить замуж за Германа. Наша последняя встреча вообще вышла странной.

Он поехал учиться в другую страну, а вернулся уже на мой девичник. Никогда не забуду его блестяще непонятным лихорадочным блеском глаза и отчаянное «Не надо! Не выходи за него!».

Тогда мне, юной и нетрезвой это показалось шуткой. Как же так?! Свадьба уже завтра! Как я могу отказаться? Это же бред! Тем более зачем? Я же люблю моего жениха и очень хочу назвать себя Соловьёвой! Так почему должна отказываться?

И Мир уехал. Я не видела его десять лет, и теперь мне страшно было смотреть ему в глаза. Но, возможно, Юля права, и мне действительно нужно отвлечься. Она ведь уже разводилась. Дважды. И кое-что понимает в разбитом сердце.

— Хорошо. Только не очень поздно. У дочери режим.

— Ура! Обрадую брата!

Юля закопалась в телефон, а я задумчиво посмотрела на Аэлиту. Она висела на канате, весело раскачиваясь из стороны в сторону. Надеюсь, детство защитит её от всей этой ситуации, и она нормально воспримет наш с Германом развод.

Телефон в моей сумке ожил. Я запустила руку в недра удобного аксессуара и машинально ответила на звонок, даже не глянув на экран.

— Да?

— Мира, ты должна срочно приехать.

Голос Германа заставил меня вздрогнуть.

— Я же сказала, что не вернусь!

— Это мы ещё обсудим, но сейчас дело в другом. Твоя мама в реанимации.

— Что?

— У неё инфаркт. Нужен родственник, чтобы подписать согласие на операцию.

Руки онемели. Мама в больницы после нашего с ней разговора? Значит, это я виновата? А если она умрёт? Внутри всё задрожало. Пусть отношения у нас с ней не ладятся. Пусть я нелюбимая дочь, но она всё же родила меня.

— Почему Ярославе не позвонил? Думаю, маме больше её захочется увидеть сейчас.

— Она может перенервничать.

Ах да! Ярочка же беременна от моего мужа. И её нужно беречь! Это из меня можно нервы тянуть и наматывать их на кулак. Закрыла глаза. Прислушалась к себе.

Я не хочу ехать!

— Так ты приедешь?

— Да. Скидывай адрес.

Ситуация — хуже не придумаешь. С одной стороны, я не хочу видеть мать. Она меня не пожалела, так с чего я ей что-то должна? С другой, никогда себе не прощу, если она умрёт в одиночестве.

— Эй! Ты чего? Что-то случилось?

Проглотила слёзы, вытерла щёки от влаги.

— Мама в больнице. Нужно ехать.

Подруга скривилась. Она прекрасно знала мою маму и всё, что с ней связано.

— Тебе не обязательно ехать. Ты же понимаешь?

— Понимаю.

Юля тяжело вздохнула.

— Ладно. Я посижу с Литой и вещи можешь тоже у меня оставить. За дочь не переживай.

Езжай по делам, а вечером я привезу её, куда скажешь. Или сама приезжай ко мне.

— Спасибо тебе большое!

— Я же твоя лучшая подруга. — пожала плечами девушка.

Обняла её и побежала на выход, вызывая такси. Машина приехала быстро.

В больнице меня встретил Герман. Он сидел прямо у регистратуры, помешивая кофе в стакане.

— Привет.

— Уже здоровались. — огрызнулась и прошла мимо.

Быть с ним вежливой не было никакого желания. Подошла к медсестре, спросила про маму. Меня попросили подождать, пока придёт доктор. Отошла к диванчикам, села на один из них.

— Ты зря злишься. Должна быть благодарна, что я вообще скорую вызвал. — запоздало ответил мне Герман.

В полном шоке посмотрела на него. О чём это он? И как вообще тут оказался?

— Что произошло с мамой?

— Понятия не имею. Просто побелела как полотно и на пол рухнула.

— На какой ещё пол? Ты можешь нормально объяснить?

Он упёрся локтями в колени, зажал переносицу между пальцев.

— Мария Игоревна пришла ко мне. Устроила разборки по поводу развода и всё такое. А потом ей стало плохо. Я вызвал скорую, тебе позвонил. Помог, как мог. А ты рычишь на меня!

Значит, ей стало плохо не после нашего разговора, а после её разговора с Германом? Небольшой камешек из груди упал с моей души.

— Понятно. — я кивнула, откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза.

Голова чугунная. Недосып, стресс и постоянные скандалы сделали своё дело. Боль нарастала с каждой минутой. Ещё муж, уже почти бывший, на нервы действует своим прожигающим взглядом.

— Твоя мама что-то про содержание говорила. Ты переводила ей деньги?

Скосила глаза на Германа. Мама последовала моему совету и всё-таки пошла просить деньги у него? Глупо. Очень глупо. Муж не был скрягой. Он не скупился на наше здоровье, часто приходил домой с цветами и сладостями, не отказывал в наших хотелках, но тратить деньги на благотворительность или помощь кому-либо было совершенно не в его правилах.

Он придерживался заветов капитализма, где все, кто хотел жить хорошо, должны были сами зарабатывать, а не просить у тех, у кого получалось заработать.

Отчасти я была с ним согласна. Не стоит давать рыбу, лучше подарить удочку, но мама часто болела. У неё развился диабет и проблемы с сердцем. Работать она уже не могла. А пенсию ей насчитали очень скромную, потому что большую часть жизни она проработала «в чёрную».

— Да, переводила.

— И откуда ты их брала?

— Зарабатывала. — пожала плечами я — Откуда же ещё.

— Как? Я ведь просил тебя не работать!

— А я просила тебя не спать с чужими женщинами. Скажу даже больше: ты сам поклялся быть со мной и в горе и в радости.

— Так, я и не отказываюсь от своих слов! — прорычал Герман — Это ты решаешь одна за нашу семью! Что за дурацкая привычка — вот так рубить сгоряча? Давай успокоимся, походим к семейному психологу, в конце концов! Многие пары проходят через трудности! И мы пройдем!

— Трудности? Беременность моей сестры от тебя это по-твоему трудности? — усмехнулась я.

Старалась говорить тихо и спокойно, ведь на нас уже посматривал охранник у дверей, но едва сдерживалась. Хотелось орать в голос!

— Это возможность для нас с тобой на счастливую жизнь с ребёнком!

— У нас уже есть ребёнок! Аэлита — наша дочь! Помнишь?

— Это другое! — отмахнулся он — Она чужая. Ты слишком на ней заиклилась и забыла о нашей мечте!

— Что-то я не припомню, как мы мечтали о том, что ты переспишь с моей сестрой!

Мне достался тяжёлый вздох. Герман закатил глаза, показывая, как ему надоело происходящее.

— Ты — моя жена. И на развод можешь даже не рассчитывать!

А вот это мы ещё посмотрим!

— Гера! А как же я?! — рядом раздался обиженный возглас.

Мы одновременно повернули голову и увидели Ярославу с красными от слёз глазами.

Глава 5

Губы сестры жалобно дрожали. Она прижимала руку к своему животу, как бы намёкая на положение. Только сейчас я заметила, что он немного округлился. Обычно Ярослава строго следила за питанием и не позволяла себе полнеть, считая внешность своим оружием.

Сейчас же с первыми признаками беременности она стала выглядеть трогательной и нежной. Как мягкое печенье. Вот только красный нос и печальные глаза портили всё впечатление.

Мне не доставляло удовольствие видеть сестру в таком виде. По-своему мне её даже было жаль. Мама всегда её выделяла и своим воспитанием внушила ей, что она особенная и достойная всего, чего захочет.

Яра никогда не знала отказа ни в чём. Особенно если это принадлежало мне. Мои новенькие колготки, заколки, угощения, а теперь и мой муж. Всё её окружение, вся жизнь подчинена только одному – её желаниям и её целям.

Я отвернулась от Яры и перевела взгляд на мужа. Он нахмурился. Вот такой вот цугцванг, милый! Куда ни поверни — везде засада. Мне было бы смешно, если бы не было так грустно.

— Ты что тут делаешь? — набросился Герман на сестру.

Ну а что? Лучшая защита — это нападение. Я мельком улыбнулась. Всё же ситуация дурацкая донельзя!

— К маме приехала. — проблеяла она.

Меня настораживал её тоненький, печальный голосок. Мама уже попадала в больницу, но сестра максимум присылала ей цветы. А теперь, мало того, что сама приехала, так ещё и строит из себя убитую горем. Странно.

— Тебе нельзя нервничать!

— Но это же моя мама! Как я могу спокойно сидеть дома?

Яра замахала ладошками, разгоняя воздух у лица.

— Мне что-то нехорошо!

Она сделала несколько неуверенных шагов. Герман тут же вскочил, подхватил её под руку и посадил на диванчик. А сам побежал к кулеру за водой.

Я покачала головой, снова улыбнулась, устроилась поудобнее.

— Довольна, стерва?! — тут же набросилась на меня сестра — Довела мать, а теперь за меня принялась!?

— Хм... Тебе уже лучше? — издевательски протянула я — Рада видеть. И маме плохо стало после разговора с Германом, а не со мной. Так что с него и спрашивай.

А я отказываюсь чувствовать себя виноватой! Просто отказываюсь! С меня хватит вечного чувства вины и попыток всё исправить. Я хочу просто собрать себя по кусочкам и начать жить.

— Ты врешь! Он не мог ничего такого ей сказать! — взбесилась сестра — Герман – мой! Поняла!? У нас будет ребёнок!

Вот тут я уже не выдержала. Засмеялась. Яра отодвинулась от меня, решив, что я в истерике.

— Забирай! На здоровье!

— Мама сразу сказала, что ты нас в покое не оставишь! Ещё когда мы обсуждали этот план! — продолжила она, словно не слыша моих последних слов.

Значит, мама изначально знала об их связи? И даже участвовала в решении о беременности? Боль привычно вгрызлась в душу. Надо бы привыкнуть уже, Мира. А ты всё сгибаешься пополам.

— Мне плевать, Яра. Если так хочешь жить с предателем – твоё дело. Только знай: тот, кто предал один раз, тот предаст и второй.

— Ты что мне угрожаешь? Да как ты смеешь?

— Нет, сестрёнка. Предупреждаю.

Лицо Ярославы перекосилось. Никогда не видела её такой злой! Ещё немного и она натурально зарычит на меня!

— Стерва! Ты мне всегда завидовала! Всегда! А теперь, когда я подарю любимому сына, решила всё испортить? Из — за твоих угроз я могу малыша потерять!

Боже, какой бред! Закрыла лицо руками. Ну почему меня никто не хочет услышать?

— Я не собираюсь бороться с тобой за Германа. А по поводу зависти... — я снова засмеялась — Это ты, дорогая сестрёнка, за мной объедки подбираешь. Ну отбила ты у меня сорокалетнего мужика. И что дальше? Флаг тебе в руки, барабан на шею.

Мой смех — результат нервного истощения. Внутри меня трясло как в лихорадке. Мозг уже мало что понимал. Я вообще перестала осознавать, что я здесь делаю!

— Ах ты... ты... - рот сестры открывался и закрывался, как у рыбки, выброшенной на берег.

Она даже встала от возмущения и сделала шаг ко мне, но потом резко согнулась. Схватила за живот и закричала...

Герман тут же кинулся к нам. Стаканчик в его руке выглядел нелепо. Он разлил почти всю воду, пока добежал.

— Яра, что с тобой?

— Живот! Очень больно! — простонала она.

При этом её лицо оставалось гладкое и красивое. Ни одной складочки на лбу, ни слезинки.

— Что ты ей сказала? — зарычал муж, разворачиваясь ко мне.

— Ничего. — в тон ему ответила — Она притворяется!

— Ааааа... — завизжала сестра, оседая на пол.

К нам бросились медсёстры. Одна из них звонила по телефону, видимо, доктора вызвала. Я поджала губы, развернулась и вышла. Смотреть этот спектакль не было никакого желания. Премьера состоялась давно, постановку «бедная Ярослава» я видела много раз.

Пусть Герман носится с истеричной девицей. Теперь это его проблемы. Втайне я даже позлорадствовала над этой ситуацией.

Мне всё ещё было больно от предательства мужа, сестры и матери, но я могла смеяться над нелепостью той сцены, которую закатила Яра. Надеюсь, медики приведут её в чувства, и она подпишет всё, что нужно.

Спокойно дошла до метро, села в поезд. У меня сегодня ещё очень много дел. Нужно решить вопрос с квартирой, перевезти туда вещи и забрать дочь. Заказать продукты, приготовить ужин, разложить одежду.

Одним словом — начать жизнь с нуля. Пока ехала, списалась с риелтором, подтвердила просмотр и уточнила адрес. Следующие три часа смотрела квартиры.

Несколько хозяев отказали мне в быстром заселении, несколько квартир я сама забраковала, и вот когда я уже почти отчаялась, попалась она — светлая, чистая и красивая двухкомнатная квартира недалеко от метро.

Хотя я и планировала забрать свою машину, транспортная доступность никогда не бывает лишней. Хозяйка оказалась очень приятной женщиной. Она подробно расспросила меня о моих планах. И когда узнала, что я ушла от гулящего мужа, тут же отдала ключи.

— Кто, если не мы, женщины будем помогать друг другу. Верно?

Я искренне поблагодарила её. Тут же сходила в магазин, купила продукты и химию для дома. Разложила всё по местам. Вот теперь сюда можно привозить ребёнка.

Поехала за дочкой. Юля забрала её к себе домой. Мы выпили чаю вместе, а потом поехали в наш новый дом. Такси приехало с опозданием, мы ждали на улице с вещами, и я чётко решила завтра же забрать машину.

Передвигаться на такси довольно дорого и не совсем удобно. А ездить придётся много. К тому же адвокату, и по работе.

Занятия никто не отменял. Учеников я попросила дать мне пару выходных. Но совсем отказаться от них я не могу. Если раньше это было хобби, то сейчас зарабатывать мне жизненно необходимо. Назначенные занятия перенесла на другой день, сославшись на плохое самочувствие.

Вечером мы с Литой готовили, перемывали всю посуду и санузел. Она помогала мне как могла. К вечеру ноги меня вообще не держали. Я едва смогла постелить нам новенькое постельное бельё.

Ночью мне снились кошмары. Что-то мутное и непонятное тянуло ко мне руки, я пыталась бежать, но как обычно бывает в страшных снах, даже не смогла сдвинуться с места. Проснулась мокрая от липкого пота.

Потрясла головой, прогоняя из неё ненужные видения. Рассвет едва коснулся макушек далёких деревьев. Попыталась лечь обратно, но влажная постель и неприятная плёнка, покрывшая кожу, не дала мне доспать.

А после душа и замены постельного белья благо было запасное, уснуть вновь не получилось. Повалившись, сдалась и встала. Просто так лежать не хотелось. Да и до встречи с адвокатом оставалось не больше двух часов. Только приготовить завтрак, собраться и завезти Аэлилу в садик.

Дочь я уже давно водила в группу кратковременного пребывания. Чтобы она общалась и играла с другими детками. После обеда я её обычно забирала. Теперь же придётся водить на полный день.

Я убеждала себя, что ничего страшного в этом нет. Многие дети ходят в сад на полный день. Особенно в пять лет. Но сердце всё равно щемило.

Лита прибежала на кухню, когда завтрак был почти готов. Она обняла меня, прижалась к моему боку.

— Ну ты чего, милая?

— Мне приснилось, что ты отдала меня! — пробормотала дочь, ещё сильнее прижимаясь к боку.

Моя маленькая девочка! Мне так жаль, что ей приходится думать о таком! Переживать. Присела рядом, обняла её в ответ.

— Я ни за что не отдам тебя никому! Слышишь?

Аэлита кивнула, а потом побежала собираться. Мы спокойно позавтракали. Я отвезла её в сад и поехала за машиной. Хватит уже стесняться.

Машина была записана на меня, и я имела полное право забрать её! Но как только я подошла к авто, то тут же пожалела о своём желании.

— Ты где шляешься, Мира!? — набросился на меня Герман — Какого чёрта ты опять не ночевала дома?!

— Думаешь, я стану перед тобой оправдываться?

Наглость, с которой Герман требовал от меня объяснений, поражала. Какого чёрта, собственно говоря?

— Я твой муж! Не забыла?

— Это ненадолго.

Открыла машину, чтобы сесть в неё и уехать, но Герман схватил за руку.

— Не смей вот так уезжать! Последствия тебе не понравятся!

Выдохнула резко, потянула руку на себя, но он держал как медвежий капкан.

— Ты мне угрожаешь?

Жаль, что заранее не включила диктофон. Хорошая запись была бы для суда по разводу. Хотя... ничего ведь не мешает мне сейчас его включить? Одной рукой нащупала телефон в кармане, нажала кнопку приложения и включила запись.

— Предупреждаю. — прорычал муж, приближаясь к моему лицу.

Раньше я никогда не переживала, когда он оказывался в моём личном пространстве. Всё же мы десять лет делили постель, дом. Столько прошли вместе...

В первые годы у Германа ничего не получалось. Он не всегда был великий Соловьёв Герман. Это сейчас к нему стоит очередь из музыкантов, а раньше он продюсировал не очень талантливые бойз-бенды. Домой приносил сушие копейки. Основной заработок тратил в барах, стараясь найти там себе клиентов. Или организовывал вечеринки.

Я же подрабатывала как могла. Никакой иной профессии, кроме музыки у меня не было. Брать в коллектив временно меня никто не хотел. Все прекрасно понимали – ещё немного и я забеременею, уйду в декрет. Смысл сыгрываться со мной? Никакого.

Где я только не работала! И в магазине музыкальных инструментов, и на свадьбах, и даже в музыкальной школе. В то время педагогов не хватало, и меня взяли временно замещать учителя в декрете. Тогда-то я и получила опыт обучения детей. Благодаря этой работе и сарафанному радио у меня всегда были ученики.

И я не жалею... Мне нравилось учить, но я мечтала о сцене. О выступлениях. Только муж всегда был против этого. Сейчас же я смотрела на него и просто не понимала — как я могла отказаться от своей мечты? Ради чего?

Ради любви? Ради семьи? Дома?

Ну вот моя семья! Стоит передо мной и сверлит злым взглядом.

— Герман, давай расстанемся... ну пусть не друзьями, но хорошими знакомыми. Ладно? — попросила я — Наш брак... он закончился, понимаешь? Нет больше ничего.

Я развела руками. Одна из них всё ещё находилась в крепкой хватке, поэтому жест получился нелепый, но очень говорящий.

— Это кто так решил? А? — закричал муж.

— Ты! Ты так решил, когда обрюхатил мою сестру! Или ты думал, мы будем жить счастливым шведским браком?! По понедельникам будешь трахать меня, по вторникам - её!?

Устраивать разборки на улице глупо. Соседи наверняка уже не спят. Район тихий, и наши голоса далеко разносятся, но мне стесняться нечего. Это не я спала с чужой женщиной!

Но для мужа огласка явна была вредна. Он понизил голос.

— Трахать? Тебя? Да, когда это последний раз было? Месяц назад? Или два? — я отшатнулась от него.

Он опять бьёт по самому больному. Да, при подготовке к ЭКО я не могу удовлетворять его либидо. От уколов тошнит, после забора болит живот! А после имплантации доктор не разрешает!

Герман понял, что перегнул палку, и уже спокойнее, но с явным раздражением продолжил:

— Я же всё тебе уже объяснил! Неужели ты такая дура, что не понимаешь? Яра родит ребёнка, отдаст его нам, и мы будем жить полноценной семьёй. Всё! Точка!

Покачала головой. Неужели он ещё не понял?

— Что ты пообещал сестре за ребёнка?

Он замялся. Не хотел говорить? Или правда не укладывается в его план?

— Ничего.

Я засмеялась. Это нервное, знаю. Только сейчас смех помогал избавиться от боли. Пусть не полностью, но хотя бы частично.

— Ничего? Хочешь сказать, она по доброте душевной решила родить?

Герман сжал зубы. Взгляд отвёл. Я права. Нет, я и так знала, что я права, но это лишь очередное подтверждение моей правоты.

— Не хочешь говорить, тогда пусти!

— Ладно. — проворчал он — Я пообещал переписать на неё квартиру.

Думала меня уже ничем не удивить, но это? Просто в голове не укладывается!

— Нашу квартиру? — уточнила, не веря, что он мог так поступить.

Мы купили небольшую двушку в хорошем районе с первого большого заработка. Я чуть ли не своими руками сделала там ремонт! Столько сил и времени вложила!

Мы жили там несколько лет, и самые лучшие воспоминания были связаны именно с ней. Герман убедил меня сдавать её хорошей семье, чтобы жилплощадь не простаивала. Семья оказалась и правда хорошей. Мужчина рукастый. Сам делал мелкий ремонт, а его жена содержала дом в идеальном порядке.

Эта квартира стала частью меня, любимым семейным гнёздышком и я собиралась требовать её при разделе имущества.

— Да. Но разве это большая цена за ребёнка?

— За вашего с Ярой ребёнка?

Да он мне и даром не нужен! Тем более я не собиралась покупать сына. Мало того что это незаконно, так ещё и неправильно! Дети не вещи, чтобы менять их на деньги.

— За нашего ребёнка, Мира! Это наш сын!

Этот разговор пошёл по кругу. Мы не сможем договориться. Это точно.

— Встретимся в суде, Герман. Мой адвокат с тобой свяжется. А теперь отпусти руку. Иначе я заору на всю улицу! Хочешь снова попасть на обложку жёлтых газет?

— Никакого адвоката! И никакого развода, любимая. Ты ещё помнишь, что твоя обожаемая Лита у тебя под опекой и у неё есть настоящая мать?

— Что ты имеешь в виду? — похолодела я.

— Ты можешь очень просто потерять статус опекуна, и девочка вернётся к Ярославе или в детский дом. — он подождал, пока до меня дойдёт весь ужас ситуации — Так что решай, дорогая. Либо ты возвращаешься домой, либо...

Глава 6

Герман

Договаривать не стал. Мира и так всё поняла. Глаза округлила, руку вырвала. Люблю, когда моя девочка в таком настроении. Она становится самой настоящей дикой кошкой, а не забитой клушей.

Надеюсь, она сделает правильный вывод, а я ей в этом помогу.

Решать вопрос с Аэлитой всё равно придётся. Девчонка запала жене в душу и тянет из неё время, силы, деньги... а ещё любовь, которая должна мне принадлежать.

Мотор взревел, а машина одним рывком оказалась на дороге. Пусть едет. Это не конец. В итоге она вернётся домой.

А там может быть поймёт, что я всё сделал для семьи.

Нужно найти адвоката, к которому она могла обратиться и поговорить с ним. Пусть убедит Мирославу, что развод ей невыгоден. Особенно в её обстоятельствах.

Как же бесит, что приходится в принципе возиться с женой! Её упрямство начинает напрягать. Неужели она не понимает, для чего я спал с Ярой? Или это банальная зависть? Не понимаю!

Я ведь не изменял ей! Хотя было много ситуаций, когда мог! И меня бы даже святоши не осудили! Мужу нужен секс. Регулярный, между прочим. Это вопрос здоровья. А у Миры всегда находились отговорки!

То её тошнит, то она устала с ребёнком, то ещё что-то! Хватит! Никаких больше ЭКО и чужих приблудышей. Будет только наша семья!

Телефон вибрировал в кармане не в первый раз. Кто-то настойчиво названивал мне, но я не стал отвлекаться на разговор, пока мы с Мирой выясняли отношения. Сейчас же решил ответить.

— Алло!

— Герчик! Ну ты почему так долго не берёшь трубку! — раздался капризный голосок Яры.

Он как отвёртка вкручивался в мозг, наматывая на себя мысли.

— Чего тебе? — пусть грубо, но зато доходчиво.

В трубке засопели.

— Как это чего? Твой сын хочет кушать! Я же писала тебе, что привезти мне в больницу!

— А я тебе ответил, чтобы ты заказала доставку. В чём трудности?

— Ну это не то! — надулась Ярка. — Да и к тому же тут надо ждать, пока поднимут доставку или идти самой! А мне нельзя тяжёлое поднимать! Я же беременна! Твоим ребёнком, между прочим!

— И что ты предлагаешь? Чтобы я по первому твоему звонку бежал в магазин?

— Почему по первому? — она явно сменила тактику, и теперь голос лился патокой — Я же прошу тебя! Очень-очень. Ну Герусик! У меня даже косметики нет и личных вещей!

— Тебе же всё выдали сразу, как ты легла на сохранение. А еду должны раздавать в столовой. Я и так по десять тысяч в сутки плачу за палату!

В трубке послышался судорожный вздох.

Как она меня достала!

Вчерашняя истерика просто перешла все границы! Если бы не ребёнок, я бы вышвырнул её на улицу и там оставил. Но пришлось вызывать платную скорую, везти её в хорошую клинику и класть на сохранение.

Доктор сказал, что ничего серьёзного. Небольшой тонус, но лучше перестраховаться. Конечно, это же не ему приходится возиться с этой припадочной! Хотя у меня одна, а у него целый этаж беременных девиц.

— Ну, мииииилый! У них нет безлактозной и безглютеновой еды! А я обычную не переношу, ты же знаешь!

В голосе опять слышались плаксивые ноты. Ну почему вместо того, чтобы решать свои вопросы, мне приходится носиться с Ярославой!?

— Хоррррооошо! — прорычал в трубку.

Сбросил вызов, кинул трубу в карман. Заехал в арендованную мной квартиру. Яра предлагала сразу заселиться в нашу квартиру, но если бы я выселил арендаторов, Мира бы сразу узнала. Она была против того, чтобы мы пускали пожить в этой квартире кого-то из родственников.

Я был с ней согласен. Наше гнёздышко не хотелось никому отдавать. Яре я предлагал купить другую квартиру, но она же упёрлась! Именно эту подавай! Там вид из окна красивый, видите ли!

Ладно, всё, что ни делается – всё к лучшему. Раз уж приходится ехать в больницу, надо использовать эту возможность.

В палате висел запах валерьянки. Неужели врач назначил? Или это опять постанова?

— Милый! — мне на шею тут же бросилась Ярослава.

Шлейф её приторных духов тут же окутал меня. Неужели нельзя хотя бы в больнице не душиться так крепко? Вспомнился чистый хлопковый запах Миры. Она никогда не злоупотребляла парфюмом. Всегда в тему, всегда в настроение.

— Яра, — я снял её руки с себя — мы же всё вчера обсудили. Или ты чего-то не поняла?

На лице девушки тут же задрожали губы.

— Ты такой жестокий! — буркнула она, схватила йогурт из пакета и вернулась в постель.

Острыми, покрытыми ярким красным лаком, когтями она попыталась открутить крышечку с баночки, но у неё ничего не вышло. Она вздохнула и протянула её мне.

— Давай без драмы. Когда мы обговаривали условия нашей сделки, никаких отношений и свадьбы там не было. Яра, я не собираюсь бросать жену. И, кажется, ясно тебе это сказал.

Она надула губки ещё сильнее. Теперь они стали казаться двумя варениками.

— Тогда я не отдам тебе ребёнка! Либо это будет наш с тобой сын, либо только мой!

Герман вновь удивил. Когда он успел стать таким мудаком? Или всегда был, а я просто этого не замечала? Выстроила вокруг себя воздушный замок, надела розовые очки и просто жила, не задумываясь ни о чём.

Но как обычно бывает, розовые очки разбились стёклами внутрь.

Села в машину, резко завелась и нажала на газ. Находиться рядом с мужем у меня не было никакого желания. А подчиняться ему — тем более. Не собираюсь я воспитывать его сына и делать вид, что все нормально.

Нужно только придумать, как защитить Аэлилу. Она ещё слишком мала и не поймёт таких резких изменений.

А ещё я ни за что не позволю Герману подарить нашу квартиру Ярославе! Это наше общее имущество, и делить мы его будем по закону.

К офису адвоката подъехала за пять минут до встречи. Меня встретило старинное двухэтажное здание. Лёгкий флёр винтажности пропитал это место. Широкая мраморная лестница и кованые перила напоминали о прежних владельцах этого ещё дореволюционного здания.

Внутри заворочались сомнения. Может, я ошиблась и услуги этого адвоката мне не по карману? Хотя Юлия дважды к нему обращалась. Но она руководила HR-отделом крупной компании, а я... Десять лет старалась подарить ребёнка тому, кто так и не оценил моих усилий.

Смахнула выступившие слёзы. Резкий отказ от гормонов дал о себе знать. Возможно, не стоило так отказываться от них? Стоило сначала посоветоваться с доктором? Задвинула отвлекающие мысли подальше и задумалась над поиском адвоката попроще. Знакомых, кому я могла бы доверять нет, а нанимать любого с улицы — большая ошибка.

Наверняка муж так просто не отступит. Он упрямый как баран.

В итоге плюнула и пошла на встречу. Отказаться всегда успею. Стоит хотя бы выслушать условия.

Ни секретаря, ни других сотрудников в холе не оказалось. Только чашка с остывающим чаем. Я коротко постучала, услышала приглашение войти и толкнула дверь.

Меня встретил низенький, юркий мужчина. На вид ему было под шестьдесят, но глаза на лице оставались живыми и подвижными. Он профессионально оценил мой внешний вид, просканировал кольцо на руке, улыбнулся. Но эта улыбка не затронула глаза. Только губы растянулись на гладком лице.

— Добрый день, Юрий Альбертович. Я записана на консультацию по поводу развода.

— Да-да-да. Вас подруга ко мне отправила.

Он махнул рукой на кресло. Я села, онемевшие пальцы сжимали сумочку. Лучик лампы отразился от украшения. Поглядела на свои руки. Надо было снять кольцо ещё когда узнала о беременности сестры!

Толстый золотой ободок болтался на моём тонком, длинном пальце. У меня руки музыканта. Это нормально, когда всю жизнь пальцы порхают по струнам.

Раньше это кольцо очень много для меня значило. Оно сообщало о моём статусе. Замужняя женщина. Хранительница очага. А теперь... Просто насмешка. Потянула безделушку, потерявшую всякий смысл. Сняла и убрала в сумку.

Адвокат довольно кивнул. И улыбнулся гораздо искреннее.

— Итак, Мирослава Евгеньевна, ваш брак рухнул?

Я задумалась. Интересное определение. Брак рухнул. Обезличенное. Словно никто в этом не виноват. Так само получилось. Вот был брак, а потом рухнул.

Или ещё лучше: в конфликте виноваты оба. Супруги сделали что-то не так. Жена пережарила котлеты и подговорила мужа трахнуть её сестру. Или навела его на такую мысль неудачами в постели.

А может, недостаточно боготворила? Или не смогла родить, вот он и побежал к той, что сможет.

А ведь, по сути, я была идеальной женой. Всегда поддерживала, вдохновляла. Не пилила и не скандалила. Хранила, мать его, семейный очаг. А в итоге теперь все считают, что наш брак взял и рухнул. Сам по себе.

Смешно. И горько...

— Нет. Он не рухнул. — покачала я головой — Мой муж мне изменил. Это он разрушил наш брак, и я хочу, чтобы он за это ответил.

— Вот такой настрой мне нравится! – восхищённый взгляд Юрия Альбертовича прошёлся по моему лицу — И я готов вам помочь! Что касается оплаты: я работаю за процент. Поэтому заинтересован в вашей решительности! Если я не смогу ничего отсудить в процессе развода, то и денег никаких не получу. Вас это устраивает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.